

(Три месяца спустя)

(От лица Хикигаи Хачимана)

В своей комнате я сидел за устаревшим ноутбуком отца, реликвией из его прошлого, по сути, вещью, которую стоило бы утилизировать...

Серьезно, он выглядел так, будто он совершил путешествие во времени из 90-х.

Пока я осторожно проводил пальцами по жесткой клавиатуре, меня посетила мысль: может, продать его, чтобы заработать немного денег?

Однако поток воспоминаний прервал мои размышления. Я вспомнил сентиментальные рассказы отца о том, как это была его самой первой вещью, купленный на его первую зарплату.

Он чуть ли не пел этому ноутбуку серенады. Он практически был его первой любовью. Если я осмелюсь продать его, то мне можно начинать собирать вещи, перед неизбежным выселением.

Это снова напомнило мне о том, насколько низкий у меня статус в этой семье... ну не жестоко ли это?

— Тридцать тысяч йен, наверное... — пробормотал я себе под нос, глядя на оставшийся баланс на моем банковском счете после недавних покупок.

Затем мой взгляд переместился в правый нижний угол экрана ноутбука, и я заметил время — [16:00].

Комачи скоро должна вернуться домой.

'...может быть, приготовить нам обоим чего-нибудь перекусить на вечер?' — подумал я.

Через минуту я принял решение. Я сохранил работу, выключил ноутбук и аккуратно его закрыл.

Пока я собирал ингредиенты и размышлял о том, что могло бы понравиться Комачи, я вспомнил, как давно я последний раз был в школе.

С момента аварии прошло три месяца.

Она произошла в начале января, прямо в первый день третьего семестра. Из-за нее я пролежал в больнице полторы недели, а затем еще две проходил реабилитацию дома.

В обычной ситуации я должен был вернуться в школу к концу февраля.

Но моя ситуация была далека от нормальной. Мне каким-то образом удалось закончить последний семестр первого года, не выходя из дома, полностью избегая занятий и посещая только итоговые экзамены.

Мое оправдание?

Я сослался на душевную травму от якобы произошедшей аварии и взял своего рода больничный.

Конечно, это все была ложь.

Должен признать, пребывание дома стало приятным изменением. Роскошь ни о чем не беспокоиться была невероятно приятной.

Никаких утренних будильников, никаких нависших сроков по домашним заданиям — только я и мое одиночество.

Это был крайне необходимый отдых после изнурительных двух недель реабилитации. Хотя это совсем другая история...

Итак, не поймите меня неправильно. Во время моего 'отпуска' я не бездельничал. Нет, я занимался полезными вещами.

Теперь вам, наверное, интересно, что же я делал такого, чтобы быть столь уверенным в своем будущем, и я скоро пролью на это свет.

На данный момент, несмотря на все мои жалобы, я так сильно наслаждался домашним уютом, что теперь немного недоволен мыслью вернуться в школу после весенних каникул.

...ну, у меня есть еще неделя, полагаю.

Теперь все будет по-другому, и уж точно не так, как в прошлом.

Как ни странно, то время, которое я провел в больничной койке с поломанной ногой, помогло мне сосредоточиться и привести мысли в порядок.

Но, несмотря ни на что, я не мог вспомнить ничего, кроме того, что уже знал. То есть я могу более подробно рассказать о том, что произошло со мной в первый день, но не могу вспомнить ничего нового. Особенно свои личные данные из моей прошлой жизни.

К счастью (или к несчастью), мне так и не удалось ничего вспомнить.

Вместо этого я сосредоточился на сюжете аниме, которое описывает мой текущий мир. Однако эта попытка была лишь частично успешной. Мне удалось вспомнить только некоторые ключевые события, пару сюжетных линий и характеры нескольких главных героев.

После этого осознания меня выписали из больницы, и я оказался в знакомой обстановке своего дома.

Тем не менее на этот раз все было иначе.

Я нес с собой дополнительные воспоминания из прошлой жизни, дающие мне новую перспективу на все, что я сделал.

С этого момента самоанализ стал для меня постоянной практикой. Я переосмыслил каждое событие, которое сформировало меня с детства и сделало меня тем, кем я являюсь сейчас.

Я понял, что моя тяга к одиночеству и отсутствие интереса к социальным взаимодействиям, мое сопротивление подчинению общественным нормам и ожиданиям, моя неспособность завести друзей, отсутствие эмпатии, прямолинейность в общении и крайне циничный и пессимистичный взгляд на мир — все это характеристики и модели поведения, которые привели меня к нынешнему статусу изгоя.

Каким-то образом эти черты не были изначально присущи мне в детстве, а скорее стали чем-то, что я развил, как защитный механизм от страха быть эмоционально раненым.

Все эти издевательства в начальной школе, под видом простой забавы над моим именем, и многое другое со стороны сверстников накопилось, разрушив мою уверенность в себе, и постепенно способствовало формированию моей замкнутости.

Впрочем, я не мог полностью их винить. Несмотря на травму, которую они причинили, я понимал, что это были лишь дети.

Так что. Я их не виню.

...ну, по крайней мере, я пришел к такому выводу.

Я просто решил не держать на них обиду, и надеяться, что мы никогда не встретимся. По крайней мере, так я себе сказал.

Прежде всего, я решил принять все унижения и отказы, которые испытал до этого.

Я начал смотреть на них по-другому и постепенно стал равнодушен к этим инцидентам. Мое внимание переключилось на повышение моей самооценки и избавление от внутренних сомнений.

Несмотря на все эти изменения, мои идеалы остались прежними, хотя и приобрели некую зрелость.

...и, возможно, я стал немного менее ворчливым и ленивым.

Из всего этого, если чем-то я действительно гордился с момента аварии, так это успешным преодолением своей травмы.

В частности, моей низкой самооценки.

Да. Теперь я крутой, и Я ЗНАЮ ЭТО.

Благодаря упорной работе и самоанализу я научился понимать свою собственную ценность и принимать себя таким, какой я есть.

Моя обновленная уверенность в себе не была связана исключительно с изменением моего отношения и внешнего вида. Здесь важную роль будут играть деньги, которые я планировал зарабатывать в будущем.

<http://tl.rulate.ru/book/108763/4046948>